

ДОМ ДЛЯ ДУХА И ВРЕМЕНИ, ИЛИ В ОЖИДАНИИ ШВАРЦЕНЕГГЕРА

№21 1997

Эта беседа проходила в неформальной обстановке, одобренная благородным плеском "Хванчары" и похрустыванием фисташек. Наверное, так и должны проходить все серьезные разговоры. Нередко наша беседа сопровождалась многозначительным смехом нашего гостя, ученого с европейской известностью, профессора, заведующего сектором философии Института РАН, председателя редакционного совета знаменитого издательства "Ad Marginem" Валерия Александровича Подороги. Валерий Александрович читал лекции в университете Наяновой по линии Фонда Сороса. Смех, отсутствие академической позы, ирония, неприязнь к вещанию "от имени истины", провокационность - характерные атрибуты той современной философской традиции, которую представляет В.А.Подорога.

У читателя есть возможность самому разобраться в том, что в этой беседе на актуальнейшие вопросы нашего дня в шутку, а что всерьез, и где должны стоять ремарки "смех" и "взволнованно".

Корр.: Валерий Александрович, можно ли сегодня говорить о некоем едином духе нашего времени? На подобный вопрос в 20-ом веке пытались ответить многие крупнейшие философы. Сегодня под "единым духом" понимают "постмодернизм". Так ли это? Может быть, постмодернизм - просто выдумка теоретиков? Или это реальность, касающаяся каждого из нас?

В.А.П.: Это реальность, которая впервые создана не теоретиками, а системой массовой коммуникации. Это феномен коммуникативный, феномен духа, ставшего виртуальным, то есть, духа, который совсем решил проститься с плотью и телом. Это реальность возникает как бы под знаком безразличной беспринципности и аморализма коммуникативных средств, которые сегодня развиваются по законам образных систем. То есть, мы можем сказать, что существует какой-то дух эпохи, но только теперь мы знаем, где он живет - он живет в телевизоре, в системе рекламы, клипов, виртуальных объектов, задающихся компьютерной техникой. Интернет прибыл к нам. Еще один ход в сторону особого типа реальности, которая угрожающе расширяется, как вселенная.

Корр.: Вы сказали "аморализм коммуникативных средств", что это значит?

В.А.П.: Коммуникация скорее достигнет своего эффекта, чем подумает о том, насколько этот эффект может принести урон чьим-то правам, чьим-то надеждам, привычкам, традициям. Она безразлична к моральной форме, моральному суждению. Например, реклама же не говорит: мы рекламируем мыло, потому что у вас будет чище совесть, она говорит: ваша кожа будет лучше.

Корр.: И так, особенность жизни в наше время целиком обусловлена масс-медиа?

В.А.П.: Мне кажется, да. Масс-медиа задает ритм, темп жизни. То, что можно назвать постмодернистской реальностью, заключается в новой логике образа, в котором человек принимает все меньше участия. Новые технологии все меньше нуждаются в том, чтобы человек был их субъектом. Наоборот, они как бы учат человека приспособлять свое перцептивное поле к событиям, происходящим только в этом, теперь единственно подлинном мире. Вот в чем состоит постмодернизм, а не в том, что кто-то из поэтов вместо того, чтобы разговаривать пятитопными ямбами, вдруг

закричал петухом.

Корр.: А как быть тогда с личным опытом, личной экзистенцией? Если я нахожусь в плену различных знаковых реальностей, то что же мне делать?

В.А.П.: Да, нет никакой экзистенции...

Корр.: Нет личного опыта?

В.А.П.: Конечно, нет. Он как бы еще не развит. Может, ему надо подождать еще немножко? Может, вот эта виртуальная реальность будет изготавливать эрзацы душ, эрзацы каких-то конструкций, которые мы будем воспринимать в качестве собственной души? На что-то вы будете показывать пальцем и говорить: смотрите, это моя экзистенция...

Корр.: Интересно. Как же прикажете быть человеку? Ему говорят, что его, уникального и неповторимого, практически нет...

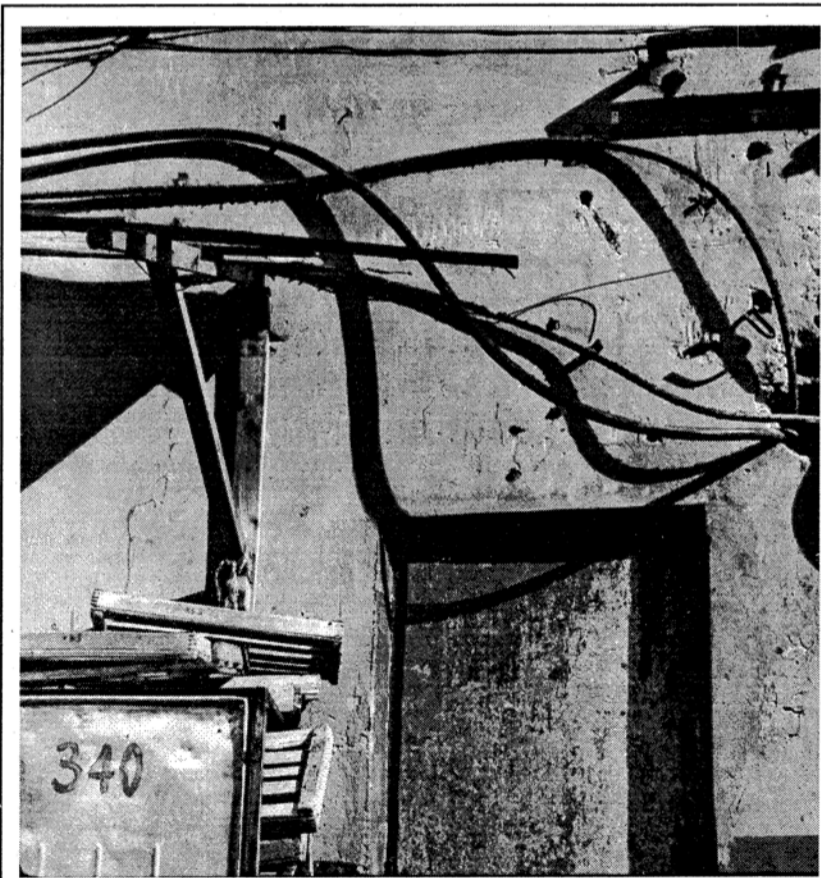
В.А.П.: Поскольку вы еще что-то хотите, указываете на какую-то экзистенцию, постольку, можно сказать, личный опыт существует. Утопия ведь всегда существует, пока жив хоть один нищий, говорил поэт Вальтер Беньямин. Но боюсь, что логика информационных сетей слишком объемна, слишком громадна здесь количество образов. Эти образы опережают возможность нашего человеческого фантазма: только ты задумал - тебе уже представили. Это опережение и есть виртуализация воображения. Ты всегда приходишь как бы на готовое. Голливудская фабрика фантазмов как раз работает по принципу постоянной подкладки искусственного образа под ожидаемое. То есть, если ты чего-то ожидаешь, то оказывается, что ты ожидаешь Шварценеггера! Понимаете, ждешь что-то такое, необычное, а появляется Шварценеггер, и почему-то испытываешь глубокое удовлетворение.

Корр.: А можно ли в таком случае поймать себя за руку, поймать на том, что мыслишь шаблонно и вырваться из плена, о котором Вы говорите? Может быть, в разыгрывании этой ситуации плена и состоит косвенный путь обретения личностью самой себя?

В.А.П.: Значит так, первое правило: не работать на компьютере... Второе правило: не смотреть телевизор...

Корр.: Выходит, все же есть средство - не смотреть телевизор...

В.А.П.: Вот это интересно! Что значит - не смотреть телевизор... Что значит - не работать на компьютере, когда пользоваться им просто необходимо... Можно ли найти такие ниши существования, в которых ни компьютер, ни телевизор не могли бы помешать? Обычно поэт называет это место своим именем! Интересные заметки в этой связи делает Делез о смене образа в кинематографе. Натура в кино эволюционировала от актуализующей телесной реальности, где каждая нарративная структура, обслуживающая образы, указывала на телесное присутствие зрителя. Поэтому-то человек так хорошо читает события на экране: жесты, знаки, изменения света и т. д. А с другой стороны, наступает реальность прямого действия на мозг, не нуждающаяся в телесном существовании человека. Виртуальная реальность тем-то и интересна, что напрямую связана с мозгом. Телевизор, компьютер - это ментально-мозговое изобретение, в котором ваше тело не играет никакой роли. В этом пространстве нет реальных сил гравитации, нет верха и низа, дали, близи, ничего. Речь идет о создании виртуальной чувственности, виртуальной комбинаторики, которая будет разыгрывать эрзацы чувственных состояний. Может быть, в человеке заложено такое желание - не быть телом? Может быть компьютер реализует это желание - быть только фантазирующей душой?

Михаил Ладейщиков. Из серии "Фрагменты", 1988.

Корр.: Сегодня многие философы и культурологи констатируют всеобщий кризис идентичности. Коллективной, личной, кризис идентичности культурных форм и т. д. Что Вы об этом думаете?